

SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN STUDIES
Reprint series №1

M. S. SULTAN-GALIEV

М. С. СУЛТАН-ГАЛИЕВ

СТАТЬИ

ARTICLES

Oxford

SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN STUDIES
Reprint series N°1

M. S. SULTAN-GALIEV

ARTICLES

Oxford

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

М. С. СУЛТАН-ГАЛИЕВ

СТАТЬИ

Оксфорд

© The Society for Central Asian Studies
P.O. Box 131, Oxford OX1 2NJ, England
1984

SULTAN GALIEV: A BRIEF PORTRAIT

Fifty years ago, in May 1923, Mir Said Sultan Galiev – the highest-ranking Muslim of the Communist Party of the Soviet Union – was arrested for "counter-revolutionary nationalist conspiracy against the power of the Soviets" and for "aiding the Basmachi rebels." Stalin himself made the accusation, although all of the main Russian Bolshevik personalities, including Trotsky and Zinoviev, gave their wholehearted endorsement.

Sultan Galiev was not given a formal trial; rather, he was excluded from the Communist Party and jailed. Free again late in 1924, Sultan Galiev was arrested once more and for the last time in 1928. He was tried in 1929 and condemned as a "traitor". Sentenced to the Solovki labour camp, Sultan Galiev disappeared.

Sultan Galiev's arrest was followed by a systematic campaign against *sultangalievism*, a term covering those non-Russians, especially Asian, communists who tried unsuccessfully to adapt Marxism-Leninism to the specific national conditions of their people. The campaign lasted for ten years, from 1929 to 1939. Thousands of Tatars, Ukrainians, Turkestanis, Caucasians, and others – Party leaders but also non-Party people, historians,

artists, clerics, and cultural figures regardless of their political sympathies — disappeared in the purges under the catch-all indictments of "deviationists", "bourgeois-nationalists", "anti-communists", "agents", "spies", and "traitors".

After Stalin's death, many of his victims were rehabilitated. Not so Sultan Galiev, whose name in Soviet parlance remains to this day the epitome of the renegade nationalist and *sultangalievism* one of the most hated and vilified "deviationist" concepts.

One may wonder why it is that Sultan Galiev enjoys this special place in the Soviet pantheon of the state's most implacable enemies. The explanation is quite simple. His ideas on society and politics and his theories about the relationship between Islam and communism even half a century ago had a prophetic ring. Today these ideas are recognised by Soviet authorities as potentially more explosive than they might have been in the 1920s, when Russian communism still appeared as a dynamic youthful conquering doctrine.

* * *

Mir Said Sultan Galiev was born around 1880 in the village of Krimsakaly in the district (*uezd*) of Sterlitamak in present day Bashkiria. He was the son of a Tatar school teacher, a career he was to pursue himself. He studied in the Qoranic school (*mektep*) of his village and, ultimately, at the Pedagogical Institute of Kazan, which was a special nursery for young Muslim radicals. In 1905, Sultan Galiev took an active part in the student revolutionary movement "Islah". This was his first contact with left-wing Islamic reformism, and it left a definite imprint on his politics. Between 1905 and 1917, Sultan Galiev was a militant radical Muslim nationalist;

at that time he had no connections whatsoever with the Russian Social Democrats or with any of the emerging Muslim Marxist groups, such as the Uralchylar of Orenburg or the Hummet Party in Baku.

In May 1917, at the First Pan-Russian Congress in Moscow, Sultan Galiev encountered the Leninist variant of Russian socialism. Soon after the Congress, he cast his lot with the Muslim Socialist Committee of Kazan. In November 1917, Sultan Galiev joined the Russian Communist Party (bolshevik).

Like most of his nationalist comrades who became communists, Sultan Galiev made his decision to join Lenin and the Bolsheviks out of purely pragmatic considerations rather than from a sense of ideological fraternity. He believed that from the standpoint of the Muslim nationalities of the Russian Empire the Bolsheviks represented a lesser evil than their tsarist opponents, and he was imbued with a strong sense of the Bolsheviks final victory. In particular, Sultan Galiev believed that the "internationalism" of the Bolsheviks, which was being preached from every lecturn and soapbox, would serve to elevate the non-Russian minorities of the disintegrating empire to full equality with the dominant Russians. Thus, the victory of Lenin's brand of socialism was for him simply a prelude to the realisation of national liberation.

From 1918 to 1920, Stalin, who was at that time People's Commissar of Nationalities, desperately required the cooperation and assistance of Muslim intellectuals who alone would be able to bridge the enormous psychological and political divide between the triumphant Bolsheviks and the Muslim masses. Sultan Galiev was precisely the man Stalin was looking for — or so Stalin thought at that time — and Sultan Galiev's rise through the Party ranks to become the highest-ranking

Muslim in the Communist Party hierarchy was meteoric. He became successively or simultaneously a member of the Central Muslim Commissariat (MUSKOM), chairman of the Muslim Military Collegium, a member of the Little Collegium of the Commissariate of Nationalities (Narkomnats), editor of Narkomnats' important journal, *Zhizn' Natsional'nostei* (Life of the Nationalities), and a member of the Central Executive Committee of the Tatar Republic.

In all of these positions Sultan Galiev enjoyed considerable latitude and freedom to express more or less openly his doctrine of Muslim national communism. This doctrine, elaborated between 1918 and 1923 and refined between 1924 and 1928, remains even today a treasure trove of prophetic ideas. By his blending of Marxism-Leninism, Islam, and nationalism, Sultan Galiev became one of the first and most imaginative of Muslim revolutionaries. It is not surprising that the Bolsheviks came to see these ideas as dangerous to their newly won empire.

* * *

The basis of Sultan Galiev's thinking was the idea of "proletarian nations". According to this theory, all classes of Muslim colonized peoples, as a result of their oppression by colonizers, have the right to be called "proletarians". The idea of "proletarian nations" has two logical corollaries. First, the cohesion of Muslim society must be preserved at all costs; therefore, the internal class struggle must be delayed indefinitely. Second, in Muslim lands priority is to be given to national liberation from colonialisation rather than to social revolution.

Sultan Galiev left no doubt as to the identity of

the colonizers: the Russians, including Russian Bolsheviks, who, he believed, were totally incapable of solving the Russian empire's national problem.

These ideas rightly struck most Russian Bolsheviks as heretical, inasmuch as Sultan Galiev was challenging the "progressive" character of their movement and, implicitly, Lenin's honesty and intentions toward the minorities. Still, he offered the Russians Bolsheviks several opportunities to retrieve the situation and go forward with the world revolution. First, he advocated channeling the energies unleashed by the October Revolution in the direction of Asia rather than toward Europe: that is, toward the Muslim world instead of the industrial West. In the latter place, he wrote, "the fires of revolution no longer burned."

Second, Sultan Galiev argued for giving Marxism-Leninism a "Muslim national face". To achieve this, Islam could not be destroyed, for it is both a religion and a way of life, indeed an entire body of culture. Instead, Islam could be secularized: the community of believers – the *umma* – would be preserved while only the most fanatical elements in Islam were to be eliminated slowly.

Sultan Galiev elaborated a series of measures which would ensure the success of Muslim national communism. It quickly became apparent, however, that these measures were designed to create something which was not "national in essence and proletarian in form", as Stalin demanded, but just the opposite: proletarian in essence and national in form. These measures included:

* The establishment of an autonomous Muslim Communist Party, which would accept the programme of the Bolsheviks but which would have its own elected Central Committee.

* The creation of a Muslim Red Army with Muslim commanders and officers.

* The establishment of a large Muslim-Turkic state – The Republic of Turan – which would reach from Kazan to the Pamirs.

* The creation of a Colonial International, independent of the Komintern, which was dominated by representatives of the European industrial countries.

Obviously, such a programme would deprive the Russians of their leading role in the revolution in the East. Stalin denounced Sultan Galiev and his ideas, and other Bolsheviks refused to see their revolution divided or their colonies lost.

* * *

Today, one half century later, *Sultangalievism* is regularly attacked in the Soviet media. For most, Trotsky, Kamenev, Bukharin, Zinoviev and most of their Bolshevik colleagues are unknown or forgotten men, while the memory of Sultan Galiev and his ideas are kept alive in the Soviet historical memory. The articles in this collection constitute his most important contributions to *Zhizn' National'nostei*. They are reproduced here to provide easy access to the many scholars who in recent years have sought to examine Sultan Galiev's ideas but have found it difficult to collect the necessary materials. Each article appears exactly as it was in the original.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСТОК

I

Социальная революция в России — это только начало, один из этапов мировой международной социальной революции. Рано или поздно она должна вылиться в форму революционной борьбы, отчаянной и решающей схватки двух непримиримых врагов, двух противоположных и противоречащих друг другу сил — международного пролетариата и международного империализма. Границы и территория происходящей сейчас в пределах бывшей Российской монархии гражданской войны должны расширяться и углубиться как во внутреннем своем содержании, так и во внешних своих проявлениях. Постепенно, с развитием революции, в эту войну, являющуюся в целом последней человеческой бойней на земном шаре, втянутся и должны

Жизнь Национальностей.

I. № 38 (46). 5-го октября 1919 г.

II. № 39 (47). 12-го октября 1919 г.

III. № 42 (50). 2-го ноября 1919 г.

втянуться помимо их воли целые народы и страны. Это неминуемо и неизбежно. Старый мир слишком уж одряхлел. Он кряхтит и рушится. Трескается по всем сгнившим по швам своим. Вся земля, все ее атомы жаждут и требуют своего обновления, требуют, чтобы их переставили на совершенно новый лад. И не только для отдельных индивидов человечества, но и для целых народностей и государств, как культурно-исторических разновидностей, настал решительный момент, когда каждый из них должен определить свою судьбу и бесповоротно решить, на какую сторону баррикады ему становиться. Хочешь, не хочешь, ты должен принять участие в ней и сознательно или бессознательно стать или "красным" или "белым".

Что это так, мы видим на деле. Октябрьской революции еще не было, но труд и капитал в России, пролетариат и буржуазия, как два враждебных друг другу силы, уже начинали дифференцироваться, начали самоопределяться и готовиться к решительному бою друг с другом.

Октябрьская революция была лишь моментом столкновения этих сил в России, когда русская буржуазия, разбитая на голову у себя на родине, принуждена была перенести концентрацию остатка своих сил туда, где ей на более или менее короткий срок обеспечено было сравнительно свободное существование: на окраины России и страны Атланты.

Но с этого момента борьба против все развивающейся и проявляющей тенденцию превратиться во всемирную революцию, приобретает между-

народный характер. В походе против победивших свою буржуазию рабочих и крестьян России участвует уже не одна только русская, но и отдельные части международной буржуазии, вначале разрозненно, а потом объединены. Центральной и организующей их силой, где сходятся, как в фокусе, все контрреволюционные силы всего земного шара, становится Лига Наций. Она превращается в черный интернационал, объединяющий вокруг себя все то, что так или иначе может мешать и служить преградой развитию революции.

Таковы предпосылки общего положения условий развития международной социальной революции в настоящем. И только исходя из них, мы можем предугадать те формы, какие может принять ее развитие в будущем.

Одной из проблем, которую видвигает перед нами в настоящее время в практической форме наша революция, является восточный вопрос. И нам необходимо немедленно разрешить его. Этот вопрос в условиях современной действительности и международной политической ситуации, является не больше, не меньше, как одной из фаз естественного развития мировой социальной революции. В этом заключается его неизбежность и неминуемость. Если бы даже мы и не хотели признать и игнорировали бы его, он все равно встал бы перед нами во всей своей внутренней и внешней сложности и запутанности. Неправы были бы мы и в том случае, если бы ограничились лишь поверхностным разрешением вопроса. Он нуждается во всестороннем и крайне внимательном изучении, а не только

в социально-экономическом, но и международно-политическом отношениях.

Мы должны рассмотреть и предопределить все те конкретные формы, в какие может вылиться развитие Востока в общем ходе международной социально-классовой дифференциации и в том или ином случае, и тем самым определить раз навсегда наше отношение к нему со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сколько бы нам не казалось, что взятый нами общий курс международной политики в социальной революции вполне правилен и не нуждается в коррективах, тем не менее приходится сознавать, что вопрос в отношении Востока нуждается в серьезном корректировании. Как это ни печально, но приходится признать, что до сего времени все те меры, которые мы принимали в деле установления правильного взаимоотношения между Советской Россией и Востоком, до последнего времени носили слишком случайный и паллиативный характер. В этой области совершенно не было заметно твердого проведения планомерной и уверенно-решительной политики.

В худшем случае она являлась отражением и признанием нашего собственного бессилия, как например, отозвание русских войск из Персии, и в лучшем случае выражением сочувствия и обещания поддержки революционным стремлениям Востока, как например, мы сделали это после восстания афганцев против англичан, но не больше. Определенный характер начинают принимать наши действия в этом отношении лишь с момента

выяснения успехов социальной революции на Западе, когда самый ход развития событий (поражение спартаковцев в Германии. Срыв всеобщей забастовки протеста против вмешательства в русские дела и падение Венгерской Советской Республики) заставили нас, наконец, признать ту простую истину, что нам без участия Востока совершить международную социальную революцию невозможно. Но и сейчас эти меры не имеют еще того установленного характера, которого требуют от них законы правильного развития социальной революции.

Задачей настоящей статьи и является более или менее полный анализ этого вопроса.

II

Советский строй, как выражение коммунизма — это антипод буржуазно-капиталистической государственности. Существовать рядом друг с другом и мирно сожительствовать эти два строя не могут. Они могут лишь временно терпеть друг друга, и терпеть до тех пор, пока не окажется хотя бы некоторый лишь перевес сил на той или другой стороне, которая затем неминуемо должна начать наступление на противоположную, оказавшуюся в этот момент более слабой, сторону.

В силу этого непреложного и основного закона люция с первых же дней своего возникновения, должна была начать развиваться во всемирную, в противном случае такие советы в России представляли бы из себя небольшой лишь оазис в бушующем море империализма, ежеминутно рискующий

быть стертým с лица земли смерчем всемирно-империалистической вакхании.

Руководители октябрьской революции прекрасно понимали это положение и старались направить ее в течение международно-интернациональному руслу. Да иначе оно и не могло быть, так как в противном случае социальная революция в России теряла бы всякий свой внутренний смысл.

Но этот процесс развития революции в тактическом отношении был направлен по неправильно-му пути. Казавшийся правильным внешне в отдельных своих проявлениях (спартаковское движение в Германии, венгерская революция и т.д.), в общей своей совокупности носил односторонний характер. Односторонность эта заключалась в том, что почти все внимание руководителей революции было обращено на Запад. Осуществление задачи развертывания октябрьской революции в международно-социалистическую, представлялось им в механической энергии российской революции непосредственно на Запад, т.е. в ту часть земного шара, где, как казалось, наиболее остро и рельефно выступают противоречия классовых интересов пролетариата и буржуазии, и где поэтому имеется более или менее твердая почва для развития классовой революции.

Восток же с его закабаленным западно-европейской буржуазией полуторамиллиардным населением в этом отношении был почти совершенно позабыт. Течение основного процесса развития международной классовой борьбы шло, минуя восток, и вопрос о последнем, как вопрос — ”револю-

ционного востока”, существовал лишь в умах отдельных голов, представлявших из себя в общем не больше, как каплю воды в бушующем море революции.

Незнание востока, с одной стороны, и обусловливаемый этим страх перед ним — другой, делали то, что идея участия востока в международной революции явно профанировалось.

Между тем ориентироваться в вопросе международной социалистической революции исключительно лишь на запад было неправильно.

Правда, западно-европейские государства, включая сюда и их союзницу — Америку, являются странами концентрации всех материальных и ”моральных” сил международного империализма, и, казалось бы, в этом отношении представляют из себя главную территорию, где должно было быть дано генеральное сражение ему с нашей стороны, — но, с другой стороны, мы ни в коем случае не могли уверенно сказать, что для поражения западно-европейской буржуазии достаточно силы одного лишь того обстоятельства, что буржуазия эта является международной, мировой, требующей для своего свержения концентрацию революционной воли и революционной энергии всего международного пролетариата, а в том числе и пролетариата востока.

Действуя на международный империализм только через западно-европейский пролетариат, мы оставляли ему полную свободу действий и свободу маневров на востоке. Пока международный империализм, в лице Атланты, имеет в своих руках

восток, как колонию, где он является полновластным хозяином всех его природных богатств, ему гарантирован удачный для него исход всех отдельных столкновений его с рабочими массами метрополий на экономической почве, так как при таком положении он имеет полную возможность "затыкать им рты", соглашаясь на удовлетворение их экономических требований.

Бесплодное ожидание нами революционной помощи с запада в течение этих двух лет революции в России красноречиво подтверждает это положение.

Но даже в том случае, если бы западно-европейскому рабочему удалось одержать победу над своей буржуазией, то и тогда нам неминуемо пришлось бы столкнуться с востоком, так как в последнем случае западно-европейская буржуазия, по примеру своей товарки по несчастью — русской буржуазии, — занялась бы концентрацией своих сил на своих "окраинах" и в первую голову на востоке. Она бы не постеснялась того, чтобы в деле подавления социальной революции западной Европе использовать вековую национально-классовую ненависть, которая таится в груди востока к западу, как к носителю идеи империалистического гнета, и организовать поход чернокожих на Европу.

И мы не только допускаем эту возможность, но уверены в ней, так как двухлетний опыт борьбы пролетариата России со своей буржуазией, в этом отношении, научил нас очень многому.

III

Рассматривая Восток с социально-экономической точки зрения, мы видим, что почти весь он является объектом эксплуатации западно-европейского капитала, главным ресурсом его промышленности и в этом отношении представляет из себя очень богатый для нас материал в смысле революционной горючести.

Если бы можно было высчитать степень эксплуатируемости Востока западно-европейским капиталом и в связи с этим косвенного участия его в создании мощи и силы всей ...ливой буржуазной культуры и цивилизации эксплуатировавших и продолжающих его эксплуатировать Европы и Америки, то мы бы увидели, что львиная доля всех материальных и духовных богатств "белых" награблена на Востоке и создана за счет пота и крови сотен миллионов трудовых масс "туземцев" всех цветов и рас.

Нужно было погибнуть десяткам миллионов аборигенов Америки и чернокожих Африки и совершенно исчезнуть с лица земли всей богатой культуре "инков", чтобы образовалась современная "свободолюбивая" Америка с ее "космополитической" культурой "прогресса и техники". Гордые небоскребы Чикаго, Нью-Йорка и других городов "европеизированной" Америки были воздвигнуты на костях замученных бесчеловечными плантаторами "краснокожих" и негров и на дымящихся развалинах разрушенных городов "инков".

Христофор Колумб!. . Как дорого и как много говорит это имя сердцу европейского империалиста-

та. Ведь он "открыл" дорогу европейским хищникам в Америку. Англия, Франция, Испания, Италия и Германия — ведь все они одинаково участвовали в грабеже, разорении и опустошении "туземной" Америки, воздвигая за ее счет свои капиталистические города и свою буржуазно-империалистическую культуру. И нашествие на Европу Тамерланов, Чингис-ханов и других монгольских князей, далеко бледнеют по своей жестокости опустошительной силы перед всем тем, что творили европейцы в "открытой" ими Америке.

Высказанное мною в начале статьи положение ярко подтверждается и всем дальнейшим периодом развития западно-европейского империализма, когда он, используя со всех сторон "туземную" Америку и вдоволь насытившись ею, обратил все свое внимание на Восток с Индией в центре, которая почти с первых дней появления на свет этого империализма не переставала возбуждать в нем чувства вождения.

Вся история крестовых походов и вся длинная вереница дальнейших буржуазно-империалистических войн на Востоке представляют из себя точно рассчитанную политику экономического порабощения Востока западно-европейскими феодалами и их потомками, постепенно увенчавшуюся почти полным успехом для последних.

И если бы мы занялись сейчас изучением состояния промышленности западно-европейских стран на Востоке в последний период ее развития, т.е. к моменту начала общемировой империалистической войны, то мы бы увидели, что к этому време-

ни Восток был действительно крепко стиснут и судорожно корчился в тисках международного капитала.

Вся Азия и вся Африка были разделены Европой на ряд "сфер влияния" чисто декоративным признанием "самостоятельности" наиболее крупных их государственных образований, как Китай, Персия и Турция.

Последняя империалистическая война являлась также отражением этой политики и выражением ее кульминационного периода, когда международный империализм, в предвидении скорого своего падения, должен был вступить в борьбу сам с собой.

В настоящее время с победой Атланты над Германией вопрос о Востоке пока как будто получил более или менее определенную форму решения, в именно, в виде положения, что хозяином Востока становится Антанта.

Но уже и сейчас, хотя и не совсем еще ясно, начинают вырисовываться противоречия интересов на Востоке основных элементов этого "священного союза", и рано или поздно должно будет произойти серьезное столкновение между отдельными конкурентами на первенство в разбойной "Лиге Наций" входящих в нее крупных империалистических государств.

Не следует ни на минуту забывать, что коли Восток в целом находится в полном экономическом порабощении Запада, то вторым прессом, который оказывает не менее тяжелое "внутреннее" давле-

ние на трудный район Востока, является его национальная буржуазия.

Мы ни на минуту не должны упускать из виду того, что дело развития международной социалистической революции в части, касающейся Востока, ни в коем случае не может оканчиваться лишь свержением там власти западно-европейского империализма. Оно должно продолжать идти дальше, так как за этим периодом перед Востоком сложный вопрос свержения своей, либеральничающей до известной поры, но грубо деспотической по своему существу и клерикально-феодальной буржуазии, способной ради своих шкурных интересов ежечасно менять свою позицию по отношению к своим отсталым "чужеземным" врагам.

Мы должны твердо и навсегда запомнить одно: Восток в целом является основным ресурсом питания международного империализма и в этом отношении в обстановке общемировой социалистической гражданской войны является крайне выгодным для нас и крайне невыгодным для международных империалистов фактором в нашем столкновении с ними. Лишенный Востока и оторванный от Индии, Афганистана, Персии и других своих азиатских и африканских колоний, западно-европейский империализм должен будет зачахнуть и умереть своей естественной смертью.

Но в то же время Восток является колыбелью деспотизма, и мы несколько не гарантированы от того, что там к моменту свержения западно-европейского империализма не начнет возрождаться находящийся пока под тяжелым прессом своего

европейского собрата восточный империализм. Мы не гарантированы от того, что "освободившиеся" при нашей помощи от иноземного ига феодалы Китая, Индии или Персии с Турцией, не соединятся с империалистической Японией и еще с кем-нибудь из Европы и не организуют поход на своих "освободителей", чтобы спастись тем самым от заразы "большевизма".

БАТУМ И АРМЕНИЯ

Советской России при ее продвижении на Восток неминуемо придется столкнуться с Арменией, так как в настоящее время эта страна в результате стараний дашнаков, с одной стороны, и при благосклонном содействии Антанты — с другой, превращается в черное гнездо международной контрреволюции.

Армянские националисты, мечтавшие с давних пор о создании "Великой Армении", послали на мирную конференцию делегацию с требованием образования независимого армянского государства в составе 6-ти государств (Ерзерум, Ван, Трапезунд, Датир-Башир, Харпут и часть Сиваса) и 4-х областей бывшей России (Эривань, Карс, Нахичевань, Батум и Афазаган). Несмотря на то, что в настоящее время в турецких областях армяне составляют лишь 10-15% населения, мирная конфе-

Жизнь Национальностей, № 13 (70), 29 апреля
1920 г.

ренция пошла им навстречу и обещала содействовать образованию Армении, имея в виду, разумеется, вовсе не интересы армянского трудового народа, а свои собственные, так как она намеревалась использовать ее как средство борьбы против надвигающегося большевизма Советской России и нарождающегося революционного движения в Турции. Мандат на управление Арменией был дан Америке. Взамен этой поддержки Армения обещала Антанте вооруженное выступление против Советской России и препятствование ее союзу с Турцией и Азербайджаном. В этом смысле между Арменией и Деникиным в период наступления Деникина на Москву был заключен тайный договор. В настоящее время в Армению ежедневно прибывает из Америки большое количество всякого оружия, продовольствия и разного снаряжения. Отступавшие через Азербайджан белогвардейцы направляются в Армению и находят там приют и покой. Всех их там вновь вооружают и к чему-то подготавливают. Карабахское восстание было подготовлено и спровоцировано Арменией. Целью восстания был, очевидно, захват в свои руки Елизаветполя и отвлечение зараженных большевизмом азербайджанских аскеров в сторону национализма. Но если бы Армения и вздумала по науськиванию Антанты выступить против Советской России, все равно при теперешнем ее положении должна будет потерпеть жестокое поражение, так как рискует быть окруженной с трех сторон: Советской России, Советского Азербайджана и восставшей и вооруженной с ног до головы Анатолии.

Действовать в более или менее "бодром настроении" она может только в том случае, если Антанте удастся обеспечить ее тыл со стороны Турции. А для этого Антанте нужно покорить сначала Анатолию, для чего ей нужно поднять на ноги всю Англию, т.е. официально объявить войну Анатолии. Другого выхода для них нет. Но едва ли решится на это Антанта при теперешнем ее положении на Востоке, когда последний со всех сторон охватывается широкой волной восстаний против западноевропейского империализма.

О положении в Батуме и Армении турецкие товарищи передают следующее: до перемирия Турции с Антантой Батум находился в руках турок. После перемирия турецкие войска оттуда ушли, и их заменили там английские войска. Почти до последнего времени было неизвестно, будет ли он передан Грузии, как обещала ей Антанта, или же хозяином его сделается Армения, которая также претендовала на него. Положение определилось лишь месяц тому назад, когда в Батум был введен 10-тысячный отряд английских, французских и итальянских войск, и город был объявлен "временно" оккупированным. Оккупация Батума союзными войсками вызвала восстание у местного населения, в большинстве своем мусульманского. К местным повстанцам присоединились мусульмане Аджарии. При столкновении с повстанцами союзные войска потеряли до 300 человек ранеными и убитыми. Но все же перевес остался на стороне оккупационных отрядов. Восстание было подавлено с очень большой жестокостью. В настоящее время

местное население почти поголовно, за исключением лишь армян, настроено против Антанты и ждет лишь подхода красной армии, чтобы снова восстать.

Член центрального бюро коммунистических организаций народов Востока

М. Султан-Галиев

ТАТАРЫ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Говоря о роли татар в истории развития социальной революции в России, нельзя не упомянуть, хотя бы вкратце, о предшествовавших Октябрьской революции периодах их общественно-политического развития.

В этом отношении историю революционного движения татар можно разделить на два периода: период националистический, охватывающий собой промежуток времени с 1905 года до февральской революции, и период мелкобуржуазно-демократический, охватывающий всю февральскую революцию до марта 1918 г., когда татарская мелкобуржуазная "демократическая" интеллигенция наголову была разбита соединенными силами татарского и русского пролетариата.

Периоды эти соответствовали общественно-по-

Жизнь Национальностей, № 24 (122), 5 ноября 1921 г.

литическому состоянию России в целом и находились от него в прямой зависимости.

Волны революции 1905 года не прошли бесследно для татар. Они глубоко затронули основы их общественно-политической и культурно-бытовой жизни, дав сильный толчок к разрушению их и без того пошатнувшейся патриархальности и подготовил тем самым почву к восприятию ими идей социальной революции в дальнейшем.

Мы видим пробуждение целой закабаленной царизмом и обреченной на полное культурное и экономическое вырождение и вымирание нации. Забивает ключем освободившаяся от оков новая мысль. Начинается лихорадочное искание новых путей развития. В крупных татарских центрах — Оренбурге, Казани и Астрахани, начинают издаваться газеты и журналы на татарском языке. Зарождается татарская литература и татарский театр. Возникает новая, гражданская школа, заменившая архаические "старометодные" духовные "медресе" и "мектебе".

У татар появляются крупные литературные силы, как в области художественной, так и беллетристики.

В прессе и литературе поднимается во всей своей широте вопрос о женском равноправии. После ожесточенной кампании татарка получает доступ в школу, в общество и в театр. Правда, все это происходит в рамках и формах, какие разрешил тогда государственный строй России, но и при этих условиях все эти явления сыграли громадное революционное значение.

Лейтмотивом всей общественно-политической мысли этой эпохи была идея национального возрождения татар. Вокруг этой идеи шла отчаянная борьба. Революционная часть общественных сил татар, складывавшаяся из молодежи и студентов, главным же образом из тех элементов, которые получили европейское (русское) образование, спасение татарской нации видела в усвоении начал западноевропейской культуры и в решительной ломке всего старого и обветшалого, что мешало их усвоению.

Вначале в лагере противников находились лишь одни закоренелые фанатики, рьяно отстаивавшие старые и закоснелые формы общественной жизни татар. Но постепенно, с развитием и углублением этого движения, их лагерь заполнялся недавними "новаторами" и "революционерами". И уже к моменту февральской революции мы видим три определенно выявившихся течения в общественно-политической жизни татар: это, во-первых, отъявленные реакционеры "кадимасты", издававшие журнал "Динва Магишет" в Оренбурге, заключившие союз с подголосками "союза русского народа" "сыратульмуस्ताкимистами" ("Общество спасения мусульман", организованное при ближайшем участии последнего до революции "муфтия" мусульман Вн. России и Сибири — монархиста Баязидова) и боровшиеся с революционным движением татар через царские охранки; во-вторых, группа умеренной интеллигенции, сгруппировавшейся, с одной стороны, вокруг казанских газет "Юлдуз" и "Кояш" и уфимского "Турмуш" (более умерен-

ной группы) и вокруг оренбургского "Вакт", с другой (менее умеренной группы); в-третьих, группы революционной интеллигенции, группировавшиеся вокруг газеты Гаяза Исхакова "Иль" и "Сюзь" и казанского журнала Галимджана Ибрагимова "Анг" и т.д.

Ясно, что в условиях существовавшего тогда строя татарская общественность дальше известных пределов развиваться не могла и не была в состоянии решать самостоятельно те задачи, которые ставила перед ней история. Их могла разрешить только революция, что и подтвердилось впоследствии самой жизнью.

Если общественно-политическая жизнь татар до февральской революции выражала в целом идею национального возрождения, то период февральской революции знаменует у них идею борьбы за самостоятельную национальную политику. "Самостоятельность" эта мыслилась реально в форме осуществления, с одной стороны, культурно-национальной автономии татар и, с другой, территориальной автономии — в форме образования самостоятельного "штата" на территории с преобладанием татар — башкирского населения ("Идель-Уральский"). Это в довольно яркой отчетливой форме подчеркивается во всех "учредительных" съездах и конференциях татар, начиная с первого Всероссийского съезда мусульман (май 1917 г. в Москве) и кончая 2-м Всероссийским мусульманским съездом в Казани.

Мы видим, что татарская мелкобуржуазная

демократия лихорадочно готовилась к этой "самостоятельности".

Все "всероссийские" мусульманские организации попадают в их руки. И Исполнительный Комитет Всероссийского Мусульманского Национального Совета ("Икомус") с его известным кавказским меньшевиком Ахмед-бек Цаликовым и Всероссийский Мусульманский Военный Совет ("Харби Шуру") плясали под их дудку, не говоря уже о "Милли Идаре" (национальное управление татар Поволжья и Сибири) и созданного к моменту Октябрьской революции "Миллет Меджелиса" (национального парламента).

Подготовка идет не только в политическом, но и в военном отношении. Если татарские эсеры — Гааз Исхаковы и Тухтаровы в трогательном союзе с кадетом Садри Максудовым "обрабатывают" татарскую интеллигенцию, женщин и мулл, то меньшевики в союзе с националистами обрабатывают татарских солдат: на фронтах и в тылу создаются мусульманские (татарские) национальные части: роты, полки, эскадроны и т.д. Части эти концентрируются в Казани, Уфе, Оренбурге и частью в Астрахани.

В момент Октябрьской революции и после нее все эти органы выступают против нас. Некоторые из них пробуют лавировать, но из этого ничего не выходит и, рано или поздно, они обнаруживают свою враждебность пролетарской революции.

Уже к моменту Октябрьской революции стало ясно, что объединение "Икомуса" и "Харби Шуру" с Керенским. В дни наступления Корниловской ди-

кой дивизии на Петроград "Икомус" сыграл решающее значение, задержав ее наступление. Во время октябрьского переворота в Казани руководители "Харби Шуро" действуют солидарно с Временным правительством, входя в их "революционный комитет" и пытаясь втянуть мусульманские части в борьбу с восставшими частями. Во враждебную позицию становится и Национальный Парламент, руководимый кадетом Садри Максудовым. Когда левая фракция Парламента, руководимая татаро-башкирскими левыми эсерами, настаивает на признании только что образованного Совета Народных Комиссаров и приветствии его, Парламент отвечает на это отказом.

С этого момента начинается новый период в развитии общественно-политической жизни татар. Уже на 1-м Всероссийском Мусульманском Съезде в Москве (май 1917 г.) наметилось левое течение, возглавляемое мусульманскими левыми социалистами. Правда, оно было еще слабо, но видно было, что в будущем ему суждено сыграть крупное значение в революционном движении татар. На 2-м Всероссийском Съезде Мусульман, состоявшемся в конце июля в Казани, татарские левые социалисты выступают уже, как организованная сила. В день открытия съезда лидер казанских татарских социалистов (с.-д. большевиков) тов. Мулла Нур Вахитов произносит знаменательную речь, направленную против татарских кадетов и социал-соглашателей. Усиленно работают на левом крыле Съезда и левые эсеры, во главе с т. Галимджаном Ибрагимовым.

Во время Октябрьского переворота левые татарские социалисты выступают, как определенный, окончательно сложившийся революционный фактор. Члены мусульманского (татарского) социалистического комитета входят чуть ли не в подавляющем большинстве в 1-й Революционный Штаб Казани во дни Октября (М. Н. Вахитов, М. Султан-Галиев, К. Якубов и Я. Чанышев), играя в нем в дальнейшем видную роль.

В Уфе работают левые эсеры, сгруппировавшиеся вокруг газеты "Алга".

После разгона Учредительного Собрания, когда изгнанные отсюда меньшевики-эсеры из татар становятся в резко оппозиционное отношение к Советской власти (выпускается воззвание к мусульманам России, призывающее к вооруженной борьбе против Советской власти), перед татарскими левыми социалистами встает задача ликвидации всех мусульманских псевдо-революционных организаций. Происходит довольно продолжительная, но решительная борьба между ними. В Петрограде при только что возникшем Народном Комиссариате по делам Национальностей создается Центральный Комиссариат по делам Мусульман (татар), внутренней России и Сибири во главе с председателем Казанского Мусульманского (татарского) социалистического Комитета тов. М.Н. Вахитовым. "Икомус" разгоняется.

Но самая решительная и действительная борьба происходила на местах, в Казани с "Харби-Шуро" и в Уфе с "Национальным Парламентом".

Борьбу с "Харби-Шуро" возглавлял Казан-

ский Мусульманский Социалистический Комитет. Под его руководством стали формироваться отряды красногвардейцев из татарских рабочих. Одновременно шла усиленная агитация среди татарских частей "Харби-Шуро" и среди татарских рабочих и крестьян. Генеральное сражение между "Харби-Шуро" и Мусульманским Социалистическим Комитетом произошло на 2-м Всероссийском Мусульманском (татарском) съезде в Казани в феврале-марте 1918 г. Под руководством социалистического Комитета там была создана левая фракция из большевиков и левых эсеров, которая сыграла историческое значение в вопросе развития классовой революции среди татар-башкир (на Съезде были и башкиры).

Несмотря на свою организованность, сторонники "демократического национализма" на Съезде морально были разбиты (Съезд по вопросу об Учредительном Собрании вынес резолюцию, одобряющую его разгон). Чувствуя свое поражение, руководители правой части Съезда пошли на хитрость. Воспользовавшись нетактичностью некоторых наших товарищей, оттолкнувших от себя часть левой фракции, они решились пойти "на пролом" и "декретировать" объявление так наз. "Идель-Уральского" штата (включая нынешнюю Татарию, Башкирию, Уфимскую губернию, часть Киргизии, Марийскую и Чувашскую области). Но "пролом" этот не удался, так как по постановлению Совнаркома Казанской Республики (Казанской губернии), Президиум Военного Съезда был арестован, что вызвало в дальнейшем столкнове-

ние двух сторон, разрешившееся в конечном результате в нашу пользу: разгон съезда, разрушение воинских частей "Шуро", отказ шуристов от самовольного объявления акта территориально-национального самоопределения татар и т.д.

Задача борьбы с Национальным Парламентом татар была возложена на уфимцев — татаро-башкирских левых эсеров. Говорить о значении этой борьбы не приходится. Если в лице "Харби-Шуро" мы имели военную силу "национального" блока татарских кадетов и социал-соглашателей, то в лице "Национального Парламента" мы имели их политическую силу. И эту силу во что бы то ни стало необходимо было рассеять, так как в противном случае она претендовала на захват власти в Заволжье и Южном Урале, стремясь распространить свое политическое влияние и на всю остальную Среднюю Азию. Задача эта уфимцами была выполнена блестяще. Национальный Парламент был разогнан.

С момента ликвидации этих органов в политической жизни татар наступает новая эра — период усиленной классовой дифференциации. Работа эта происходит в двух направлениях: классового расщепления татарской деревни и втягивания трудовых масс в Красную Армию. Первую задачу взяли на себя мусульманские (татарские и татаро-башкирские) Комиссариаты, а вторую — Центральная (татарская) Военная Коллегия при Наркомвоене. Внутренне же работа эта была тесно связана.

Мусульманские Комиссариаты на местах в первое время являлись, как бы штабами революцион-

ного движения татар. Они являлись не только вспомогательными политическими органами местных Советов, но органами власти вообще, как политической, так и административной. Ими была проделана колоссальная работа на местах, особенно в области агитационной, пропагандистской и культурно-просветительной.

Что касается работы Военной Коллегии, то она была поистине громадна. Работа ее шла в двух направлениях: привлечении татар к Красной Армии, политического их воспитания и подготовки из среды рабочих и беднейших крестьян-татар красных командиров и политработников. За время своего свыше чем двухлетнего существования Центромусвоенколлегии, при почти полном отсутствии работников, удалось создать несколько отдельных татаро-башкирских батальонов и полков и две отдельных татарских стрелковых бригады (на правах дивизий), а также мусульманские (татарские) пехотные и кавалерийские командные и, отдельно, военно-политические курсы. Но главная ее работа заключалась на фронтах в политотделах армий. Там создавались специальные отделы по обслуживанию красноармейцев-татар. В результате число татарских красноармейцев достигло громадных размеров: во время разгара гражданской войны на Восточном и Туркестанском фронтах число татарских красноармейцев составляло более половины всего их состава, доходя в некоторых из них до 70-75% (5-я армия). Каждая из отдельных татарских частей имеет свою историю. Достаточно здесь указать хотя бы на 1-ю Татарскую Отдель-

ную Стрелковую Бригаду, прошедшую всю Киргизию и Туркестан и участвовавшую в Бухарской революции, или на Казанский отдельный Татарский запасный батальон, давший за один год более 70 маршевых рот на один лишь Туркестанский фронт.

Красноармейцы-татары оказались пионерами социальной революции на Востоке, разнося по далеким кишлакам Средней Азии и юртам Сибири, а также горным аулам Кавказа красное знамя классовой борьбы.

Что же касается курсов командного состава, то они также сыграли громадное значение в развитии революции среди тюрков России. За полтора года своего существования они дали тысячи красных командиров-татар в Туркестан и Кавказ.

Громадная работа была проделана Военной Коллегией и в области издательской и культурно-просветительной. Газета "Кызыл Армия" и политические брошюры Ц.М.В. Коллегии распространялись в сотнях тысяч экземпляров среди красноармейцев-татар.

Большую интенсивность проявила Ц.М.В. Коллегия и в деле подготовки кадров специалистов из татар в других областях. Так, ею на разные курсы (радиотелеграфные, инженерные, саперные и Академию Генштаба) было откомандировано несколько сот человек красноармейцев.

Говоря о татарских красноармейских частях, нельзя не отметить их заслуги перед революцией. Так 1-й Казанский Мусульманский (татарский) Социалистический полк, организованный под руководством Казанского мусульманского Комис-

сариата из кадров татарских красногвардейцев Социалистического Комитета сыграл историческую роль в борьбе Казани с белогвардейщиной еще до чехо-словаков. Во время военного восстания в Казани, руководимого "Комитетом спасения родины", Мусульманский Социалистический полк и присланный туда из Москвы татаро-башкирский батальон Центрального Мусульманского Комиссариата имели решающее значение в его ликвидации, решительно выступив, несмотря на численное превосходство восставших, против них. Решающее также значение сыграл этот полк и во дни лево-эсеровского мятежа. Его красноармейцами был разогнан штаб готовящихся выступить против нас левых эсеров.

Почти аналогичное явление наблюдали мы и в Астрахани. Октябрьский переворот там был произведен при энергичном участии татарских частей. И лишь благодаря стойкости и самоотверженности этих частей Астрахань всегда твердо держалась против контрреволюции, даже в самые тяжелые для Советской России дни. Астраханский татарский Военный Комиссариат, стоявший во главе татарских частей, в этом отношении твердо стоял на страже революции.

Криворожско-Донецкий угольный бассейн дал несколько десятков тысяч красногвардейцев-татар. Во дни наступления на Украину германского империализма татарские рабочие отряды самоотверженно защищали Советскую власть от его нашествия. В одном лишь организованном тов. Булушевым отряде насчитывалось до 6000 красно-

гвардейцев-татар шахтеров. Отряд этот прикрывал отступление наших частей под Харьковом в начале 1918 г., участвуя в кровавых сражениях под ст. Лихая-Царицын.

В заключение придется сказать несколько слов о значении Татареспублики в истории развития социальной революции на Востоке, так как этот фактор имеет громадное значение в этом отношении. Все культурные силы, которых создает и выковывает сейчас Татария, явятся в будущем пионерами культурного развития остальных наших восточных окраин. Уже сейчас мы являемся свидетелями того, как со всех концов Урала, Сибири, Средней Азии и Туркестана, Хивы и Бухары и даже далекого Афганистана приезжают в Татарию со спросом на культурников: учителей, журналистов и т.д. В последнее время в связи с этим там даже ощущается острый кризис в татарских рабочих: Татария обескровливается.

Подводя итоги четырехлетней годовщины Октябрьской революции и участия в ней татар, мы должны сказать, что татарские рабочие массы и татарская беднота не участвовали в революции, но способствовали ее распространению в странах Востока. Эту силу надо поддержать, пополнив ее ряды новыми, свежими, еще нетронутыми элементами. Базой для такой работы должна служить Татарская Республика. Поднять работу в Татарии и поддержать в ней уже работающих там в этом направлении товарищей — вот та очередная задача, которую ставит сейчас перед нами революция.

МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ МУСУЛЬМАН

I

Вопрос о методах антирелигиозной пропаганды среди мусульман — вопрос очень шекотливый и сложный. Осложняется он, с одной стороны, тем положением, которое занимает ислам в жизни мусульман, как религия, а с другой — социально-политическим положением мусульманских народностей вообще.

Самый вопрос о необходимости ведения антирелигиозной пропаганды среди мусульман и не только в России, но и далеко за ее пределами, разумеется, никаких споров и разногласий у нас, коммунистов, не возбуждает и не может возбудить. Для нас все религии одинаковы, и в этой части своей вопрос совершенно ясен и никакого ана-

Жизнь Национальностей

№ 29 (127), 14 декабря 1921 г. и № 30 (128), 23 декабря 1921 г.

лиза не требует. Вопрос идет лишь о том, какие методы надо установить, чтобы вернее и безболезненнее прийти к его разрешению и осуществлению в жизни. А верная победа над кем или над чем-нибудь может быть обеспечена лишь тогда, когда, приступая к борьбе, мы заранее знаем, с кем именно мы имеем дело. Вступать же в борьбу с какой-нибудь силой, не зная серьезности ее природы, значит заранее рисковать, если не поражением, то, по крайней мере, промахом в этом деле. Вот почему прежде, чем говорить о методах антирелигиозной борьбы среди мусульман, нам необходимо, хотя бы в общих чертах, установить, что представляет из себя ислам, как религия, и пригодны ли по отношению к нему те методы пропаганды, какие установлены революционной практикой по отношению других религий.

Разбирая последний вопрос, приходится констатировать, что имеется ряд причин и данных, которые показывают и диктуют необходимость установления совершенно иных методов антирелигиозной борьбы среди мусульман и не только в отношении народностей других религий, но также и в отношении отдельных народов среди самих мусульман.

Первым и самым основным фактором, определяющим положение ислама в этом вопросе, является его позднее происхождение. Из всех "великих" религий земного шара ислам является самой молодой, а потому самой крепкой и сильной по влиянию религией. Указание на этот факт можно найти у всех серьезных европейских исследовате-

лей ислама. В этой религии больше, чем в какой бы то ни было другой, имеется наличие гражданско-политических элементов, тогда как в других религиях преобладают чисто духовно-этические мотивы. Шариат, или мусульманское право, представляет из себя кодекс законов и правовых норм, регулирующих все стороны земной жизни мусульманина. Вы тут найдете все указания о том, как должен вести себя мусульманин в молитве, в работе, в обществе, семействе и обыденной жизни вплоть до мельчайших подробностей. И, безусловно, среди этих законов имеется очень много таких, которые по своему существу носят вполне положительный характер. Достаточно в данном случае перечислить: обязательность просвещения (хадие Магомета — *"утлибуль ильми минэль лэхди иляль ляхди"*, т.е. — жаждай познаний от колыбели до могилы), обязательность промышленности и труда (*кясеб*), обязанность родителей воспитывать своих детей до совершеннолетия, допустимость гражданского брака; отрицание частной собственности на землю, воды и леса; отрицание суеверий, запрещение колдовства, азартных игр, роскоши, расточительности, золотоношения и шелконошения, употребления спиртных напитков, взяточничества и людоедства (имело значение в Северной Африке); установление детально разработанной прогрессивно-налоговой системы — натуральной и финансовой ("закят", "ушар" и др.). Даже семейное и наследственное права ислама содержали в себе положительные начала, поскольку они регулировали в период своего возникновения и в даль-

нейшем анархическое состояние этого вопроса у арабов-язычников. Так, например, хадис Магомета о многоженстве исследователями ислама толкуется как закон, ограничивающий существовавшее тогда многоженство.

И, как религия с гражданско-политическими мотивами, ислам крепче всосался в организм его исповедующих, а потому и борьба с ним труднее и сложнее. Ярким доказательством справедливости этого положения является большая прочность мусульманского духовенства, чем положение духовенства других религий.

Примером в данном случае может служить положение мусульманского духовенства хотя бы у нас, в России. В то время, как у русских один церковный приход приходится не менее, чем на 10-12 тысяч населения, у мусульман каждая мечеть приходится на 700-1000 душ, причем при каждой из них имеется не менее трех духовных лиц: мулла, его помощник и муэдзин (пономарь).

Упрочению же мусульманского духовенства способствовало и его общественно-политическое положение по отношению к остальному населению. Он являлся и жрецом (исполнение религиозных обрядов), и преподавателем (каждый мулла имел при мечети конфессиональную школу — "мектеб" или "медресе"), и администратором (раздел наследства, регистрация актов гражданского состояния и др.), и судьей (бракоразводные и наследственные дела и т.д.), а при необходимости и врачом. Имела тут значение и выборность мусульманского духовенства. Это ставило его в

гораздо лучшее и прочное положение, чем, например, русское духовенство. Назначаемый сверху, русский священник, безусловно, пользовался гораздо меньшим авторитетом у своей паствы, чем татарский мулла или узбекский улема перед своей "махаллой": как-никак последние считали себя "слугою народа" и прислушивались к его голосу, а потому были более демократичны и доступны для него и пользовались большим уважением и влиянием перед ним, чем поп перед русским мужиком.

Вторым серьезным фактором, затрудняющим и осложняющим антирелигиозную пропаганду среди мусульман, является международное социально-экономическое положение мусульманских народностей в последние столетия. Поражение арабской культуры, с одной стороны, и тюрко-татарской — с другой (изгнание арабов из Испании и тюрко-татар из Юго-Восточной Европы, завоевание европейцами североафриканских и среднеазиатских мусульманских владений, покорение русскими татар, башкир, горцев Кавказа и тюркских государств Средней Азии) повлекло за собой политическое и социально-экономическое порабощение почти всего 300-миллионного мусульманского мира. Весь этот мир в последние столетия являлся объектом эксплуатации западноевропейского империализма, ресурсом его экономики. Это отразилось и на положении религии мусульман. Если западно-европейский империализм, начавшийся в своем первоначальном продвижении в мусульманские страны с "Крестовых походов", и принял в последнее время характер чисто экономической

борьбы, то в глазах мусульман, по крайней мере, их большинства, эта борьба и сейчас еще воспринимается как политическая борьба, т.е. как борьба с исламом в его целом. Иначе и не могло быть, так как в понятии мусульман весь мусульманский мир, без различия национальностей и племен, является одним нераздельным и единым целым.

Результатом такого положения вещей является то, что ислам, как религия, носил и сейчас еще носит, по крайней мере, в глазах самих мусульман, характер угнетенной и защищающейся религии. Иначе говоря, исторически ислам находился в условиях, развивающих чувство солидарности среди отдельных групп его последователей и усиливающих психологически его проникаемость и впитываемость, т.е. в условиях, затрудняющих ведение агитации против него. В условиях русской действительности положение это усугубляется еще тем, что организуя антирелигиозную пропаганду среди мусульман, мы рискуем попасть в положение недавних "борцов с исламом", русских миссионеров, тративших миллионы народных средств на эту "борьбу". И в самом деле, ведь недавно лишь вся населенная мусульманами территория России кишмя кишела целой плеядой этих отъявленных черносотенцев, отвратительно распространявших там зловонный дух миссионерского гнилья; недавно лишь вся эта территория была покрыта густой сетью всяких духовных "учебных заведений" — духовных семинарий и академий, где вырабатывались "специалисты" по борьбе с "мохамеданством". И всякое неумелое выступление среди

мусульман с антирелигиозной пропагандой при этих условиях будет напоминать им это недалекое прошлое и вместо пользы даст лишь глубоко отрицательные результаты.

Говоря о причинах, тормозящих успешное ведение антирелигиозной пропаганды среди мусульман, мы не можем не упомянуть еще об одном факторе, который также играет немаловажное значение в этом отношении. Это — культурная отсталость мусульман вообще. Разбираться подробно в этом мы здесь не будем, так как едва ли найдется кто-нибудь, кто бы оспаривал истину о том, что культурная отсталость и религиозный фанатизм неразрывно связаны и взаимно дополняют и усиливают друг друга.

II

Итак, мы видим, что внутренняя сущность ислама, с одной стороны, определяемая большей его живучестью, чем остальные религии, и объясняемая поздним его происхождением, а с другой — психологическое состояние мусульманских народностей вообще, как угнетаемых или угнетавшихся недавно (мусульмане России) народностей, требуют иного подхода и иных методов антирелигиозной пропаганды среди них.

Каковы же должны быть эти методы?

Прежде всего, осторожный и умелый, а главное, жизненный подход к вопросу. Всякая казенщина или излишняя крикливость в этом деле должны быть устранены. Вся постановка вопроса

должна носить не характер антирелигиозной борьбы, а характер антирелигиозной пропаганды. Мы должны раз навсегда выбить из рук наших противников то орудие, которым они могут бить нас в этом вопросе: нужно открыто сказать кому это следует, что мы никакой борьбы с какой бы то ни было религией, как с таковой, не ведем, а лишь ведем пропаганду своих атеистических убеждений, осуществляя свое вполне естественное право на это. Только такая постановка вопроса и может дать нам твердую гарантию в том, что нас не будут смешивать и ставить на одну доску с черносотенным русским миссионерством. Нужно дать понять мусульманам, что ведя среди них антирелигиозную пропаганду, мы не продолжаем дела Победоносцевых и Ильминских, а продолжаем дело их же культурников, недавно лишь ведших среди них эту же самую работу.

Второе, необходимо окончательно отмежеваться в этом вопросе от прежних миссионерских элементов, если они случайно затерлись в нашу среду, предоставив ведение антирелигиозной пропаганды среди мусульман. Участие в этом деле головотяпствующих элементов абсолютно недопустимо. Это будет лишь дискредитировать нас в глазах населения.

Третье — это жизненность работы и умелая агитация. Необходимо антирелигиозную пропаганду поставить на самую жизненную ногу. Недостаточно только написать какую-нибудь брошюрку или статью с крикливым названием на эту тему (их никто и не будет читать) или прочитать лекцию и

провести диспут, а необходимо вести агитацию в самой жизни, примером и делом, т.е. вести не агитацию слов, а агитацию действий. Пусть тот, на которого вы хотите воздействовать, и не заметит, что вы собираетесь вести перед ним антирелигиозную пропаганду.

Иначе вы его спугнете и заранее психологически отдалите и оттолкнете от себя. В этом отношении даже одно лишь постоянное присутствие в мусульманской деревне или среди рабочих мусульман выдержанного коммуниста (атеиста), твердо пренебрегающего установившимися религиозными обрядами мусульман, даст гораздо больше, чем десятки лекций или бесед, хотя бы самого красноречивого и убедительного оратора. Пусть мусульмане увидят около себя настоящего атеиста и привыкнут к нему. Пусть они наглядно ощущат того, кто отрицает существование религии, и ощутят его не с отрицательной, а с положительной стороны. Пусть они увидят, что атеист вовсе не есть человек в образе чорта, каким обыкновенно рисуют ему его, а есть такой же человек, как и они сами, только более положительный, развитой, твердый и энергичный. Если вы сумеете сделать это, то заранее можете быть уверены, что идейная победа за нами обеспечена. Важен первый шаг, а следующие пойдут легко.

Наблюдая постановку антирелигиозной пропаганды на местах, можно установить ряд примеров, доказывающих справедливость этого положения. Приезжает в деревню какой-нибудь захудалый агитатор, татарин, грозный, страшный, суровый, с ре-

вольвером и шашкой за поясом, и начинает ругать "Аллаха и пророков", демонстрируя при этом свой "ярый" атеизм наступлением ногой на Коран или какую-нибудь иную, считающуюся у мусульман священной, книгу.

— Вот, видите, я наступил ногой на Коран, однако мне ничего не сделалось. Значит, эта книга не священна, значит, нет и Аллаха... — и т.д.

Выступление таких горе-агитаторов оставляет после себя у населения самое отрицательное впечатление.

— Мы тут же хотели было напасть на него да и укокошить, — рассказывали мне в татарской деревне об одном из таких "ораторов", — да раздумали: побоялись, что пришлют караульный отряд — зачем-де убили бульшаумика (большевика)...

Но с каким бесхитростным юмором и искренней веселостью веет от их речи, когда они рассказывают нам о выступлении "какого-то", заехавшего проездом, русского "большевика", который рассказывал "веселые сказки" про попов и мулл.

Сам такой веселый и простой. И все время смешил. Рассказывал про русских попов, как они обманывают народ. А мы стояли и думали между собой, что, де, и муллы наши, ведь, такие же обманщики...

Вот вам истина жизни. И ее никак нельзя отвергнуть. Я был свидетелем и другого случая, когда в башкирской деревушке в день мусульманского праздника "Айди-Курбан" (в этот день каждый "правоверный" мусульманин должен пойти в мечеть) молодежь не пошла в мечеть, подражая в

этом единственному в деревне коммунисту-башкиру, состоящему у них заведующим клубом.

Пропаганду действий не следует понимать, однако, в смысле отрицания какой бы то ни было формы пропаганды словом. Безусловно, нет. Словесная пропаганда также должна быть применяема, но там, где для этого действительно имеется почва. Почему бы не устраивать диспуты о религии среди рабочих мусульман в городах, на фабриках и заводах, перенося их постепенно в деревню. Все это вполне возможно и не только в области устной, но и печатной пропаганды.

Но, ведя антирелигиозную пропаганду среди мусульман, ни на минуту не следует забывать, что все же главный корень зла заключается в их культурной отсталости и политическо-моральной забитости. Русский царизм, в течение веков давивший на них, оставил глубокие следы свои. Примером может служить то обстоятельство, что даже после образования автономных республик зачастую мусульмане остаются в стороне от участия в государственной жизни этих республик. И пока мы не снимем с них этих оков и не сделаем их, не на словах только, а на деле, свободными и равноправными гражданами Советской Республики, никакая антирелигиозная пропаганда среди них не даст ожидаемых от нее результатов. Улучшение постановки народного образования среди мусульман во всех его видах и ступенях, широкое вовлечение их в хозяйственно-экономические и административно-политические органы государственной власти, где это только возможно, расширение и углубле-

ние среди них партийной работы — вот что должно составить очередную задачу нашей деятельности среди них. Все это является основными предпосылками успешности ведения среди них какой бы то ни было новой и творческой работы.

III

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов об индивидуализации антирелигиозной пропаганды среди мусульман России по отдельным этнографическим группам. Необходимость эта диктуется тем, что "мусульманские" народности России по своему хозяйственно-бытовому положению и культурному состоянию значительно отличаются друг от друга. Те методы антирелигиозной пропаганды, о которых мы говорили выше, характерны лишь как методы общего подхода к вопросу. Поскольку же нам приходится иметь дело с отдельными этнографическими единицами или даже целыми их группами, мы встаем перед необходимостью их индивидуализации и детализации. Но индивидуализация эта возможна только в том случае, если мы установим и зафиксируем те особенности их быта и культуры, которыми отличаются они между собой. Производимый ниже анализ и является первым опытным шагом в этом направлении.

Особенности условий работы среди татар

Особенности условий работы среди татар можно разделить на 2 категории: отрицательные,

затрудняющие антирелигиозную пропаганду, и положительные, или облегчающие эту пропаганду. Отрицательными условиями являются здесь следующие факторы:

1) Твердость организации духовенства. Татарское духовенство (Поволжье, Урал, Внутренняя Россия и Сибирь) более твердо организовано, чем, например, духовенство Киргизии или Туркестана. Объясняется это, с одной стороны, тем, что оно стояло всегда в авангарде борьбы с русским миссионерством и приобрело громадный навык в этой борьбе, а с другой стороны, тем, что оно в последние годы подвергнулось внутренней реорганизации, как в отношении личном, так и организационном. Внутренней или "личной" трансформации татарского духовенства способствовало политическое воздействие на него со стороны младотурецкой интеллигенции после революции 1908 года в Турции, о характере и значении которой поговорим ниже. Организационное же усиление татарского духовенства произошло после февральской революции, когда оно путем созыва всяких съездов, конференций и совещаний изменило внутреннюю конструкцию своей организации в смысле большей ее жизненности, подвижности и "демократичности", поставив в ее главе реорганизованное на новых же началах духовное правление мусульман Внутренней России и Сибири.

2) Внутренняя психологическая реакция, произведенная "пропагандистской" деятельностью разных русских миссионерских обществ и деятелей из лагеря "союза русского народа". Вызывая

естественное противодействие со стороны мусульман, "пропаганда" эта лишь усиливала их религиозный фанатизм. Примером в данном случае можно привести стихийную эмиграцию татар в Турцию в эпоху религиозных гонений на них в последние годы царствования Александра III. Следы деятельности этих "обществ" еще остались и нужны десятилетия для их изжития.

Положительными условиями являются:

1) Сравнительно большая пролетаризация татарских масс, чем остальных "мусульманских" народностей России. Малоземелье и постоянные неурожаи и голод, с одной стороны, бедность местной добывающей и обрабатывающей промышленности — с другой, значительно способствовали этой пролетаризации, вызывая эмиграцию татарских рабочих в промышленные районы России. В последнее время в одном только Криворожско-Донецком каменноугольном бассейне число татарских рабочих доходило до 100 тысяч. Десятками тысяч насчитывались они и на бакинских и грозненских нефтяных промыслах. Довольно много работало и на заводах Урала и на золотоносных приисках Сибири. Рабочие пристаней реки Белой, нижнего течения Камы и среднего течения Волги почти на половину, если не больше, состояли из татар. Можно было встретить их и на далеком Мурмане и Амуре, где они работали по постройке железных дорог. Нужда гнала их из одного конца России в другой, из одной шахты в другую. И в их души закладывались постепенно семена атеизма. Думать об Аллахе было некогда, так как желудок требовал работы.

Отрываясь от "родины" и ведя скитальческую жизнь и заражаясь примером от своих русских товарищей, рабочий татарин разрушал устои патриархального быта татар, а вместе с тем и устои их религиозного фанатизма.

2) Большая культурность по сравнению с другими мусульманскими народностями окраин. Последние 15-20 лет жизни поволжских татар до революции можно считать периодом их национально-го возрождения. Русская революция 1905 года с одной стороны, революция персидских демократов и младотурок с другой, дали громадный толчок этому пробуждению. Туркестан и Бухара, игравшие до того времени роль центров притяжения татар, а в действительности являвшиеся центром распространения среди них культурной косности и религиозного фанатизма, с этого момента уступают свое место Константинополю, Бейруту и Каиру. Студенты из татар, побывавшие в университетах этих городов, по приезде в Россию начали развивать новые идеи, идеи культуры и прогресса. Занувший совершенно 5-миллионный татарский мир, о котором один из татарских писателей Гаяз Исхаков отозвался как о "вырождающемся мире", пробуждается. Начинается отчаянная борьба между "кадимистами" (приверженцы старины) и "джадидистами" (новаторы). Проводится реформа мусульманских конфессиональных школ — "мектеб" и "медресе". Туда вводятся гражданские предметы. В 1906 году в Казани ставится первый спектакль на татарском языке, вызвавший бурю протестов со стороны мусульманского реакцион-

ного духовенства и фанатично настроенной толпы. После революции 1905 года появляются первые газеты на татарском языке. Вскоре во всех крупных татарских центрах, Казани, Астрахани, Оренбурге и Уфе, а впоследствии даже в Москве, начинает выходить масса газет и журналов. Появляется художественная литература. В Казани организуется несколько крупных издательств. Поднимается и женский вопрос. Новаторы требуют снятия чадры с татарки. Духовенство и кадимисты оказывают отчаянное сопротивление всему этому. Новаторы предаются "проклятию", местами открытые ими так называемые новометодные школы насильно закрываются, введенные ими в употребление учебники гражданских предметов на татарском языке предаются сожжению, учителя подвергаются избиениям и т.д. Но все это не помогает, победа остается в конце концов на стороне новаторов. В результате появляются татарская литература, татарский театр и татарская национальная гражданская школа. Татарки скидывают свою чадру. Духовенство подвергается беспощадной общественной критике: выходившие тогда карикатурно-юмористические журналы уделяли этому вопросу самое серьезное внимание ("Чукешь", "Яшинь", "Кормак" и др.). Борьба между кадимистами и джадидистами захватывает и духовенство. Все реакционное, гнилое и фанатичное отходит к кадимистам, а все новое и трезвое и революционное — к новаторам. Среди последних появляются своего рода реформаторы, как например, Муса Бигиев, Абдулла Боби и Зия Кемали. Муса Бигиев выступает с трактатами по

отдельным казуистическо-догматическим вопросом ислама, нападая на архаические взгляды мусульманских "фетветистов". В своем сочинении "Рахматэ Илейхи" он разрушает веками установившийся взгляд мусульман о том, что рай является достоянием одних лишь мусульман. Основываясь на отдельных статьях Корана, М. Бигиев доказывает, что он может стать достоянием всякого, и мусульманина, и "гяура", лишь бы они были достойны этого. В сознании фанатичного мусульманина, привыкшего смотреть на "гяуров" как на "окончательно погибших людей", все это должно было произвести целую революцию. Тот же М. Бигиев пишет другое сочинение, где доказывает допускаяемость неисполнения известного догмата мусульманской религии о посте. Это тоже производит своего рода фурор, так как до того фанатичное мусульманское духовенство — а влияние его на народ было слишком еще сильно, — абсолютно отвергало такую возможность.

Зия Кемала и Абдулла Боби первые пробрили брешь в деле реорганизации мусульманских высших и средних учебных заведений медресе. Они открыли высшие мусульманские школы, где были введены наряду с изучением Шариата и "европейские" науки, математика, история, география и естественные науки, гуманитарные науки. До того же введение их в конфессиональные школы считалось чуть ли не вероотступничеством.

А один из мулл, некто Гафури, в своей брошюре "Исабет" прямо поставил вопрос о лжепророчестве Магомета. Правда, автор этого произведения

был потом опять "возвращен в лоно ислама", но тем не менее произведение его оставило глубокие следы в деле развития самосознания татар.

Реакционная часть татарского духовенства старалась "обезвредить" от этих "младо-мусульман" татарское общество, сначала агитацией в его среде, а впоследствии, когда это средство не помогло, грязными доносами в царские охранки, выдавая их за "панисламистов" и т.д., но из этого ничего не выходило. Реакционно-фанатичное татарское духовенство, как какая-нибудь политическая сила, умерла еще до февральской революции. На его смену явилось новое духовенство, способствовавшее ослаблению религиозного фанатизма татар.

3) Влияние социальной революции. Социальная революция лишь углубила и расширила рамки антирелигиозной борьбы среди татар. И в этой борьбе многие из недавних "революционеров" очутились на стороне реакции. Произвела революция раскол и в среде татарского духовенства. Образовалось два враждующих между собой лагеря — красных мулл, сторонников Советской власти, и белых — колчаковцев и учредилковцев, формально "признавших" Советскую власть и исподтишка ведущих агитацию против нее. Характерно при этом то, что реакционные муллы всюду и везде заключили союз с русским контрреволюционным духовенством, образуя, таким образом, "единый фронт" против "мулл-коммунистов". И при белогвардейских восстаниях от их палачей попадало и этим муллам. Примером могут служить крестьянские восстания весной 1920 года в Мензелинском,

Белебеевском и Бугульминском уездах, когда восставшие наряду с коммунистами расстреливали также татарских учителей и мулл-джадидистов.

Из всех этих данных мы можем сделать вывод, что среди татар почва для антирелигиозной пропаганды достаточно разрыхлена и нужно лишь засеять ее семенами. Положительных элементов для работы там больше, чем отрицательных.

Работа в Башкирии.

Башкирия находится в несколько других условиях, чем Татария. Здесь мы видим меньшую подверженность религиозному фанатизму. Но вместе с тем мы здесь наблюдаем большую их подверженность суевериям, носящим характер остатков прежнего язычества. Слабое развитие религиозного фанатизма башкир объясняется рядом причин. Главная из них та, что башкиры все еще не вышли из кочевого образа жизни и продолжают сохранять остатки родового быта. Что кочевой образ жизни вообще является преградой к развитию религиозного фанатизма, можно увидеть из наблюдений над киргизами и туркменами или же арабами-бедуинами. Все исследователи, как европейские, так и восточные, подтверждали всегда эту черту их. И вполне понятно. Кочевой образ жизни ставит человека лицом к лицу с природой и, заставляя его вести постоянную борьбу с ней, не дает ему возможности думать о религии, а тем более совершать те или иные религиозные обряды. Ведь все религии возникли в

городах, а в пустыню и в деревню они шли лишь потом, развившись.

Вторым, что способствовало слабому развитию у башкир религиозного фанатизма, является то, что ислам они восприняли не непосредственно у арабов или персов, а через татар, культурная ассимиляция с которыми у них началась еще до принятия ислама. Татарский мулла является у них пионером этой религии. Вполне понятно, что при этих условиях ислам носил у них характер наносной искусственно привитой религии. Имел тут значение и чисто классово-расовый антагонизм между татарами и башкирами, происходивший на чисто экономической почве: татары, как более культурные, давили башкир. При этих условиях иметь особенный вес и авторитет в башкирских аулах татарский мулла не мог. И при первом серьезном столкновении между башкирами и татарами (после Февральской революции, когда башкиры требовали обособленной от татар автономии, а татары противились этому) татарский мулла слетел со своего насиженного места. Как известно избиение татарских мулл и учителей в башкирских деревнях од но время приняло хронический характер.

Что же касается подверженности башкир суевериям, то это объясняется их культурной отсталостью. Достаточно в данном случае указать хотя бы на то, что они до сего времени не имеют еще своего литературного языка, пользуясь для этого татарским языком. Литература, театр и искусство у них восприняты у татар.

Почва для антирелигиозной пропаганды здесь

имеется. Надо лишь побольше разрыхлять ее и увлажнять.

Работа в Киргизии.

Наибольший успех антирелигиозная пропаганда должна иметь в Киргизии. Киргизы, как кочевой народ, религиозным предрассудкам и фанатизму подвержены слабее всех остальных. В отношении характера восприятия ислама киргизы находились в аналогичных условиях с башкирами: духовенство среди киргиз насаждалось татарами. (Киргизия подчинялась оренбургскому магометанскому духовному собранию) при чем туда шли самые слабые его элементы, отбросы. Каждое лето и весну туда отправлялось из мусульманских духовно-профессиональных школ несметное количество шакирдов (бурсаков), имея целью дешевую эксплуатацию доверчивых киргиз именем религии. Все те, кто среди татар не годился даже в "фараши" (сторож мечети), там делался "мулла-аки", духовным "руководителем". Ясно, что создать что-нибудь более или менее твердое и организованное они там не могли. И быт, и нрав киргиз поэтому сохранился чистым. Не мог повлиять ислам в Киргизии даже на положение женщины. В то время, как в других местах он всюду наложил на нее свои оковы, киргизка сохранила свою свободу. И те ограничения, которые мы наблюдаем у ней в настоящее время, носят скорее бытовой, чем освященный религией характер.

Туркестан, Хива и Бухара.

Условия работы в этой территории совершенно другие, чем среди татар, башкир или ктргиз. Бухара почти до последнего времени являлась одним из крупных рассадников религиозного фанатизма в Средней Азии. Ее влияние в Туркестане и Хиве все еще громадно. Они не прошли еще той стадии развития, которую прошли татары. Литература, театр и искусство у сартов лишь в зачаточном состоянии, а у бухарцев и хивинцев только лишь зарождаются. Лишь после Октябрьской революции сарты увидели гражданскую (трудовую) школу. А у бухарцев и хивинцев она начинает прививаться только сейчас, и то лишь благодаря родству культурников татар и турок. Положение женщины там остается все еще неизменным. И тут антагонизм, который мы наблюдаем между сартами и бухарцами, с одной стороны, и татарами с другой, в значительной степени объясняется тем, что идейную борьбу с религиозным фанатизмом и культурной отсталостью в Туркестане и Бухаре возглавляют татары. Ведь недавно только, всего лишь в 1918 году бухарское духовенство во главе с эмиром устроило грандиозный погром, вырезав более 5-ти тысяч татар, как джадидистов. Насколько укоренился ислам в Бухаре, можно судить по тому, что там даже после установления Советской власти шариат во многих областях продолжает играть роль действующего закона (например, натуральная налоговая система по шариату). Правда, в этом отношении Туркестан занимает несколько другое положение

ние. Завоевание этого края русскими сделало то, что там религия перестала играть роль гражданского и административного права. Тем не менее религиозный фанатизм там все еще силен и бороться с ним безусловно труднее и сложнее, чем в Татарии и Киргизии.

Антирелигиозную борьбу здесь можно вести лишь по тем методам, которые применялись в 1905-1910 г.г. джадидистами в Поволжье.

Азербайджан, горцы Кавказа и Крым.

Азербайджан в отношении постановки антирелигиозной пропаганды находится в лучших условиях, чем Туркестан. Близость к Турции, более развитая промышленность, наличие более или менее сознательного туземного пролетариата, а также более раннее культурное его пробуждение (в Азербайджане уже 25-30 лет тому назад начали издаваться газеты на татарском языке, тогда как в Туркестане первая газета на сартском языке вышла лишь в 1915 году, правительственную миссионерскую газету мы не считаем), сделали то, что Азербайджан оказался на несколько десятков лет впереди Туркестана и Бухары. Азербайджан пережил аналогичный с поволжскими татарами период развития, правда, в более слабой форме, чем у них, но все же пережил. И, безусловно, вести там антирелигиозную пропаганду гораздо легче, чем в Туркестане и Бухаре.

В аналогичных же условиях находится и Крым. Здесь, пожалуй, еще больше почвы для работы,

чем в Азербайджане: меньше религиозного фанатизма. Крым занимает среднее положение между Азербайджаном и Татарией.

Трудно обстоит дело в Дагестане и среди горцев Северного Кавказа. Остатки недавнего имамства (Шамиль и др.), сохранение так называемых адатов (обычного права) как элементов юрисдикции, отсутствие национальной литературы (заменяется арабской) и национально-религиозная замкнутость — являются причинами того, что здесь мы наблюдаем большую подверженность религиозным предрассудкам, чем в других восточных окраинах России. Достаточно указать в данном случае, как на пример, хотя бы на то, что и в настоящее время в Дагестане и во многих местах Горской республики введены так называемые "шариатские суды". В эпоху гражданской войны на Северном Кавказе можно было наблюдать, когда целые селения горцев и даже отдельные горские племена становились на борьбу с бичераховцами и деникинцами на стороне Советской власти по чисто религиозным мотивам: Советская власть дает большую свободу нашей религии, чем белые, говорили они. В рядах кавказской Красной армии были целые "шариатские" сотни и отряды из горцев (шариатские сотни кабардинского муллы Каткаханова, которые впоследствии достигли количества нескольких десятков тысяч).

Почва здесь для антирелигиозной борьбы совершенно еще не затронута или затронута очень поверхностно.

Заканчивая свою статью и резюмируя высказан-

ные в ней мысли, мы можем сказать в заключение следующее: если ислам, отличаясь своей сущностью и историческим положением от других религий, требует иных методов борьбы и противопропаганды, то и каждая отдельная народность, исповедующая его, в силу своих естественно-исторических и культурно-бытовых особенностей, а также социально-экономического положения, требует того же: методы антирелигиозной пропаганды, годные для татар, не годятся для киргиз; методы, применяемые к мусульманам России, не применимы где-нибудь в Афганистане или Бухаре и наоборот. Для каждой из них должны быть выработаны отдельные методы работы, отвечающие состоянию их ума и психики. Всестороннее и детальное изучение этого вопроса на местах и освещение в партийной печати во всех его проявлениях и особенностях должно составить одну из очередных задач нашей агитационно-пропагандистской деятельности на Востоке. Без такого шага мы никогда не встанем на твердый и надежный путь разрешения поставленных нами задач и не выйдем из того состояния разброда мыслей, в котором находимся сейчас.

К ОБЪЯВЛЕНИЮ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Красная Армия не вступала еще и в предгорья Северного Кавказа, когда со стороны Советской России было предложено Азербайджанской республике вступить в военно-политический союз с ней в целях наискорейшего разбития Деникина. Предложение это было сделано прямо и открыто, без всяких влияний и дипломатических прикрас, которые так свойственны буржуазной дипломатии. Несмотря однако на это, правительство азербайджана всячески уклонялось от прямого ответа, прикидываясь как бы непонимающим смысла образования советской власти. Все помнят, наверное, ответы азербайджанского министра иностранных дел Фатали-Хан Хан-Хойского на ноты товарища Чичерина.

— Как же мы можем говорить о каком-нибудь союзе: ведь мы... независимое государство.

Жизнь Национальностей, № 13 (70). 29 апреля 1920 г.

Таков был смысл всех радиотелеграмм Ф.-Х. Хан-Хойского.

Более курьезного и более характерного ответа со стороны буржуазно-националистического правительства новоиспеченной "полудемократической" республики и не могло быть.

Иного ответа Хан-Хойский и не мог дать, так как все "независимое" правительство Азербайджанской Республики, с возглавляющей его буржуазно-националистической партией "Мусават", целиком зависело от местных и "иноземных" нефтяных королей — Тагиевых, Муса-Нагиевых, Нобелей и т.д. и принуждено было плясать под музыку стоящих за их спиной банкиров и акционерных компаний Антанты.

Но отчего же тогда Азербайджан не последовал примеру своей покровительницы Антанты, и не ответил наподобие английских министров иностранных дел:

— Не желаем разговаривать!...

На это тоже были свои причины, и как потом подтвердилось, более основательные и грозные, чем чувство симпатии или антипатии к Антанте.

Причины эти крылись в том, что рабочие и все остальное трудовое население Азербайджана, питало глубокую ненависть к правительству "мусаватистов", предавшему их на разорение шакалам международного империализма, а также во все усиливающимся и разгорающемся пожаре революции на Востоке.

Весь Азербайджан, как передают прибывающие оттуда товарищи, в последние месяцы своего су-

ществования представлял из себя клокучущий вулкан, ежеминутно готовый взорваться и разнести в пух и прах все великолепное с виду здание "мусаватистов". Рабочие Баку открыто манифестировали за союз с Советской Россией. Тридцатитысячное войско поголовно было заражено большевизмом. Крестьянство требовало земельных реформ и восставало. Союз с представителями белогвардейского казачества не удался, так как в здания, где устраивались совещания с белогвардейцами, бросались бомбы (смотри №97 (944) "Известия В.Ц.И.К.") .

Положение на Востоке тоже не улыбалось. Там изо дня в день усиливалась ненависть к Антанте и росло революционное настроение против нее. В Индии бросались бомбы в английских чиновников и "высокопоставленных" лиц. Египет окончательно отделился от Англии и изгонял от себя всех англичан. Возмущенные оккупацией Константинополя и частей Азиатской Турции, турки подняли восстание в Анатолии, собираясь прогнать Антанту и из Константинополя, и из Даданелл. Арабы воевали с французами. Вспыхивали революционные движения и в Персии, которая, как казалось, наиболее прочно "прикреплена" к Англии. Хива свергла свое деспотическое правительство. Бухара вошла в переговоры с Советской Россией.

Весь Ближний Восток, как бы скрежеща зубами, кричал:

— Смерть поработителям!.. Долой империалистическую Антанту!..

Положение "мусаватистов" было пиковое. Ра-

бочие, крестьянство и сознательная трудовая интеллигенция Азербайджана и угнетенные веками народы Ближнего Востока требовали войны с Антантой, а "питающие" мусаватистов Нагиевы, Бабаевы и прочие "нефтесосы" требовали "дружественного" к ней отношения.

Ясно, что при таком положении правительство "мусаватистов" не могло долго усидеть на своем месте. Достаточно было освобождения от белогвардейщины Северного Кавказа, как буржуазно-националистический Азербайджан сам по себе взорвался изнутри. Бакинский пролетариат, руководимый Азербайджанской коммунистической партией "Гуммет", не дожидаясь прихода Красной Армии, сверг правительство Усуфбека Насиббекова и объявил г.Баку и Азербайджан Советской Республикой.

Какое же значение имеет для нас объявление Азербайджана Советской Республикой,— вот вопрос, который невольно возникает у нас в настоящее время.

Целью моей статьи и был ответ на этот вопрос.

Нечего и говорить об экономическом значении Азербайджана для революции. Баку — это главный источник, который будет снабжать жидким топливом Советскую Россию. Но каждый наш плюс, это — минус для международной контрреволюции. Приобретая Баку для социальной революции, мы "отрываем" его от Антанты. В последнее время Антанта усиленно вывозила оттуда по военнотурецкой дороге через Батум нефть, керосин и бензин. В этом отношении значение объявления Азер-

байджана Советской республикой для нас громадно.

Но еще большее значение имеет оно в деле революционизирования Ближнего Востока, не говоря уже о Закавказьи в его целом.

Если Красный Туркестан до сего времени играл роль революционного маяка для Китайского Туркестана, Тибета, Афганистана, Индии, Бухары и Хивы, то Советский Азербайджан с его старым и опытным революционным пролетариатом и уже довольно окрепшей коммунистической партией "Гуммет" в этом отношении явится красным маяком для всей Персии, Аравии и Турции. Он будет влиять и непосредственно на Закаспийскую область, через Красноводск. То, что азербайджанский язык является языком, понятным и для стамбульских турок, и для тавризских персов и курдов, и для тюркских племен Закаспийской области, и для армян, и для грузин, лишь усугубляет международное политическое значение Советского Азербайджана на Востоке. Отсюда можно тормозить англичан в Персии, протянуть руку в Аравию и руководить революционным движением в Турции, пока оно не выльется в форму более или менее самостоятельной классовой революции. И мы уверены, что это так и будет. Мы уверены, что недалек тот час, когда возмущенные своим продажным англофильствующим буржуазно-националистическим правительством персидские коммунисты сбросят его вместе с их друзьями, чиновниками империалистической антанты, и объявят страну богатырей Рустема и Зораба частью международной федерации советских республик.

Мы уверены, что недалек тот час, когда истра-
давшиеся голодные и оборванные массы народов
Востока сбросят с себя тяжелые цепи, которые
надел на них западно-европейский империализм, и
тем самым помогут стать свободным западно-
европейскому пролетариату.

Мы уверены, что недалек тот час, когда пока
еще "меншевистская" Грузия и пропитанная нас-
квозь "мусульманофобством" и "тюрконенавистне-
чеством" и пляшущая под дудку международной
контрреволюции Армения также последуют и,
сбросив своих социал-предателей, грузинских мен-
шевиков и армянских дашнаков, вступят в брат-
скую семью советских республик...

Нам остается лишь крикнуть: Да здравствует
международная социальная революция!..

Да здравствует освобождающийся пролетариат
Востока!..

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллин М. Татарстанда Октябрь Революциясе һәм аны Фальсификацияләучеләр. Совет Мактабе, Казань, 11, 1975, стр. 53-58.

Абдуллин М., Батыев С. "Солтангалиевчелек һәманы буржуаз яклаучылар". Татарстан Коммунисти, Казань, 1, 1975, стр. 67-75.

Абдуллин М., Батыев С. Татарская АССР – Реальность и буржуазные мифы, глава VI – Султангалиевщина и ее буржуазные защитники, стр. 123-139. Казанское Татарское Государственное издательство, 1977, 20 стр.

Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Москва, "Безбожник", 1931.

Аржанов. "Буржуазный национализм – орудие подготовки антисоветских интервентов". Революция и Национальности, Москва, 8 (1934), стр. 22-32.

Atnagulov S. "Soltangäliefchelken tarikhi tamrlary" (Исторические корни султангалиевщины). Kontr-Revölütсион Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, p. 35-40.

Бейлин А. "Будь бдительным и зорким", Революция и Национальности, Москва, 9, 1936, стр. 12-21.

Bennigsen A., Quelquejay Ch. "Der Sultangalievismus und die nationalistischen Abweichungen in der Tatarischen Autonomen Sowjetrepublik", Forschungen zur Ostenropaische Geschichte, Berlin, 8 (1959), p. 323-396.

Bennigsen A., Quelquejay Ch. "Les Mouvements Nationaux chez les Musulmans de Russie. I. Le Sultangalievisme au Tatarstan". Paris – La Haye, Mouton, 1960.

Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionnary Strategy for the Colonial World. Chicago-London, 1979.

Бочагов А.К. Милли Фирка – Национальная контрреволюция в Крыму. Очерк. Симферополь, Крымгосиздат, 1930.

Burhan S. "Gruppasylyk chygyshlary Soltangäliefcheekkä karshy Köräshke Komachaulylar". In Kontr-Revölütsiyon Soltangäliefchelkkä Karshy, Kazan, 1930, стр. 56-65.

Chanyshev Jakob. "Soltangäliefchelknen Jimerelie" ("Крушение султангалиевщины"). In Kontr-Revölütsiyon Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, стр. 51-55.

Davletshin T. "Cultural Life in the Tatar Autonomous Republic". New York, Research Program on the USSR, 1953.

Давлетшин Т. Советский Татарстан. London. Our World Publications, 1974.

Давыдов С., Динмухаммедов А., Махмудов С., Фаттахов Н.

”Оздоровить татарскую литературу”. Революция и Национальности, 1931, стр. 101-106.

Деятельность партийной организации Татарии по осуществлению ленинской идеи строительства социалистического общества. Казань. Университет. изд., 1971.

Десять лет социалистического строительства в Татарстане (1920-1930). Сборник. Казань. Татиздат, 1930.

Десятилетие Советского Татарстана (1920-1930). Казань. Татиздат, 1930.

Двадцать лет Татарской АССР. Казань. Татгосиздат, 1940.

Энбаев. ”Национальная политика РКП(б). Известия Татарского Центрального Исполнительного Комитета № 143, 25 июня 1922.

Fähri S. ”Jash byun öchen Koräshkändä (”О борьбе за молодое поколение”). In Kontr-Revölütsion Soltangäliefchelkke Karshy, Казань, 1930, стр. 77-83.

Федорович Н. ”Задачи и перспективы научно-исследовательской работы в Татарской Республике”. Антирелигиозник, Москва, № 11, 1930, стр. 59-61.

Файзуллин Т. ”Мотивы расхождения Султангалиева с партией”. Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, Мюнхен, 12, 1945, стр. 58-65.

Габидуллин Х. Татарстан за семь лет (1920-1927). Казань, Татиздат, 1927.

Gimranov, Iapazitsiege Karshy — Faktflar häm sanlar. Kazan, Tatizdat, 1927.

Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября – Центральная Мусульманская Военная Коллегия – 1918-1920. Москва, "Наука", Акад. Наук СССР – Казанский филиал – 1979, 200 стр.

Хасанов М.А. "Татария в борьбе за ленинскую национальную политику". Революция и Национальности, 11-1933, стр. 37-42.

Грассис К. "Большевики и военная Казань в 1917 году". Революция и Национальности, 4, 1933.

Хасанов М.А. "Культурное строительство Татарии за 15 лет". Революция и Национальности, 11-1933, стр. 30-66.

Hismetullin. Tatarstanda 5 jyl. Kazan, 1930.

Khodajarov G. "Millätne bashka chygaruchylarinyn fajiagäleson" ("Трагический конец сепаратистов"). Kontr-Revölüt-siyon Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, стр. 47-51.

"Из деятельности Наркомнаца – Татарский (мусульманский) отдел Наркомнаца за три года его существования". Жизнь Национальностей № 41 (97), 24-2-1920; № 42 (98), 31-12-1920.

Kasymov G. "İldä syinfi Köräsh Kzu häm Soltangäliefchelek" ("Усиление классово́й борьбы и султангалиевщина"). Kontr-Revölüt-siyon Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, стр. 17-29.

Касымов Г. Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции". Казань, Татиздат, 1932.

Касымов Г. Пантюркская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина. Казань, Татиздат, 1931.

Kasymov G. "Soltangäliefchelek ham anyng tarikhi Tamuylary" ("Султангалиевщина и ее исторические корни"). Казань, Татиздат, 1930.

Kazanly H. "The Sultan-Galiev Movement after 1923" East Turkic Review, Vünich, vol. 4, 1960.

Керими М. Кремль и татарские коммунисты. Azat Vatan, München, Nr. 7, 1952.

Климович Л.И. "Религиозное движение в Татарской республике". Антирелигиозник. Москва, 4-1927.

Кобецкий М. "Султангалиевщина как апология ислама". Антирелигиозник. Москва, 1-1930.

Kontr-Revölütsiyon Soltangäliefcheekke Karshy ("Против контрреволюционной султангалиевщины"). Казань, 1930.

Kushai G. "Ik front buylap Köräsh mä'säläsä" (Проблема борьбы на два фронта). Kontr-Revölütsiyon Soltangäliefcheekke Karshy, Kazan, 1930, стр. 61-64.

Mende, Gerhard von. Der Nationale Kampf der Russlands Türken. Berlin, 1936.

M. G. "Adäbiatta Soltangäliefchelek" ("Султангалиевизм в литературе"). Kzyl Tatarstan, Kazan, Nr. 12 (2681), 14.1. 1930.

Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г. – 1920 г.). Москва, "Наука", 1969.

Нафигов Р. "Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей в 1918 году". Советское Востоковедение, Москва, 5-1958, стр. 116-120.

Parsin M. "İashlar arasynda Soltangäliiefchelkenen ioqyntysy" ("Влияние султангалиевщины на молодежь"). In Kontr-Revolution Soltangäliiefcheleкке Karshy, Kazan, 1930, стр. 73-76.

Pipes, Richard. "The Formation of the Soviet Union". Cambridge, Howard University Press, 1954, 1th edition; 1957 – 2nd edition.

"Правда о Султан-Галиеве". Azat Vatan, München, Nr. 5, July 1952, p. 7-8.

Против султангалиевщины и великодержавности. – Сборник. Казань, Татиздат, 1929.

Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, Татиздат, 1930.

S.-B. "Soltangäliiev Kem?" ("Кто такой Султан-Галиев?") Kontr-Revölütsiyon Soltangäliiefchelkken Karshy, Kazan, 1930, стр. 84-86.

Советское строительство в Татарской Республике за 1920-21 год. Казань, Татиздат, 1921.

Стенографический отчет Девятой областной конференции Татарской организации РКП (б). Казань, 1924.

Стенографический отчет о заседании Двенадцатой областной партийной конференции. Казань, 1927.

Султан-Галиев М.С. "Батум и Армения". Жизнь Национальностей, № 13 (70), 29-4-1920.

Султан-Галиев М.С. "К объявлению Азербайджанской советской республики". Жизнь Национальностей, 13 (70), 29-4-1920.

Султан-Галиев М.С. "Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман". Жизнь Национальностей 29 (127), 14-12-1920, 30 (128), 23-12-1920.

Султан-Галиев М.С. "Мустафа Субхи и его работа". Жизнь Национальностей, 14 (112), 16-8-1921.

Султан-Галиев М.С. "Относительно периодической литературы на тюркских языках". Жизнь Национальностей, 23 (121) 25-10-1921.

Султан-Галиев М.С. "Положение Турции в последнее время". Жизнь Национальностей, 14 (71), 16-5-1920, 15 (72), 23-5-1920.

Султан-Галиев М.С. "Социальная революция и Восток". Жизнь Национальностей, 38 (46), 5-10-1919, 39 (47), 12-10-1919, 42 (50), 2-11-1919.

Султан-Галиев М.С. "Татарская автономная республика". Жизнь Национальностей № 7, январь 1923, стр. 25-39.

Султан-Галиев М.С. "Татары и Октябрьская революция", Жизнь Национальностей, 21 (122), 5-11-1921.

Султан-Галиев М.С. "Восемьдесят влиятельных принцев, султанов и потентатов". Жизнь Национальностей, 39 (95), 8-12-1920.

Сыромолотов Ф. "Ленин и Сталин в создании Татаро-Башкирской республики". Революция и Национальности, 8 (66), 1935, стр. 15-24.

Tarkhanov O. "Burjua Millätchelege Kaia taba alyp bara" ("Куда ведет буржуазный национализм"). Kontr-Revolyütsiyon Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, стр. 30-34.

Типеев Ш. К истории национального движения в Советской Башкирии. Уфа, Башиздат, 1929.

Tipееv Sh. Millät. Milli Kultura. ("Нация и национальная культура"). Москва, 1929.

Tobolev K. "Sotsializm höjüme häm burjua illimintlarynyng aktiflashlary" (Социалистическое наступление и усиленная активность буржуазных элементов"). Kontr-Revolyütsiyon Soltangäliefchelkke Karshy, Kazan, 1930, стр. 12-16.

Уханов А.С. Социалистическое наступление и религия. Казань, Татиздат, 1932.

Тагиров А. "О советской художественной литературе Башкирии". Революция и Национальности, № 3, 1936, стр. 74-84.

ВКР(б)-nyng 15nje Tatarstan öлке Конфиреңсiesi ötçhot (15-ая областная Татарская конференция ВКР(б) – Отчет), Казань, 1930.

Вторая Сессия ЦИК 5-го созыва, приуроченная к 5-летию юбилею ТССР 25 июня 1925 года. Стенографический отчет. Казань, 1925.

СОДЕРЖАНИЕ

Sultan Galiev: a brief portrait.5
Социальная революция и Восток.11
Батум и Армения24
Татары и Октябрьская революция.28
Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман41
К объявлению Азербайджанской советской республики.66
Библиография.72

